

Гуго Вормсбехер, Вячеслав Дашичев, Вольфганг Зайферт

Трудные судьбы российских немцев

Ежегодно 28 августа российские немцы отмечают День памяти и скорби. В этот день 68 лет назад в атмосфере военных неудач на фронте был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР, которым проживавшие в стране немцы были превентивно обвинены в сотрудничестве с врагом. Все они были депортированы в Сибирь и Казахстан, а их Автономная республика на Волге ликвидирована.

Целый народ был обречен на десятилетия репрессий, дискриминации и замалчивания. Вопрос российских немцев не был решен ни тогда, когда восстановили автономии других репрессированных народов (1950-е гг.); ни после снятия с них всех обвинений как необоснованных (1964); ни при М.Горбачеве, когда готовилось восстановление АССР немцев Поволжья; ни при Б.Ельцине, который предложил российским немцам вместо республики селиться на военном полигоне, «выкапывать там снаряды, и Германия пусть поможет». Не решен он и до сих пор.

Россия и ее немцы

Россия... Почему после стольких трагедий и несправедливостей, обрушенных на российских немцев, они всё же считают, что без нее у них как народа нет будущего? Что она для них? И что они для нее? И может ли она ещё восстановить справедливость к последнему нереабилитированному своему народу?

Эти вопросы совсем не риторические. Потому что история российских немцев неразрывно связана с историей России.

Никто из предков российских немцев не пришел в Россию завоевателем. Даже не искал в ней политического или экономического убежища. Наоборот, они были приглашены Российским государством как ученые, деятели культуры, специалисты, военные, врачи. И как земледельцы и ремесленники - для освоения и закрепления за Россией ее окраинных тогда земель в Поволжье и на Юге России. Оправдали ли они надежды России?

Полистайте дореволюционные энциклопедии. Почитайте историю Государства Российского, историю российской науки, военного дела, культуры, промышленности, транспорта, сельского хозяйства, театра, музыки, живописи, медицины. Посмотрите историю географических открытий и «приращения могущества России Сибирью». Зайдите, наконец, в Георгиевский зал Кремля, где в бесконечных колонках имен георгиевских кавалеров на стенах каждое третье имя - немецкое.

Даже трудно себе представить прошлое России без немцев - без их вклада, без переданного ими своей новой Родине опыта, знаний, умения, таланта и верности. Без Немецкой слободы в Москве - первой форточки в Европу, позволившей затем прорубить туда и окно, и дверь.

Верой и правдой, талантом и знаниями, потом и кровью служили немцы России. И тем не менее: нет в России народа, с которым она бы обошлась более несправедливо, более жестоко. Достаточно взять последние 68 лет их истории - трагедии, не закончившейся до сих пор. И вместе с тем...

В России ее немцы за два с половиной века из диаспоры, из осколка народа другой страны стали самостоятельным, новым народом на планете, гораздо содержательнее, внутренне богаче, чем были. В России они стали частью великого разноплеменного народа великой страны. Здесь, в процессе их нелегкой истории, откристаллизовались те

национальные черты, которые помогли им устоять и сохраниться. Здесь они вдохнули России - ее планетарной шири, ее громадных идей, ее великих целей, ее могучей природы; здесь они впитали в себя ее великую культуру и литературу.

Да, они многое потеряли из того, с чем прибыли в Россию. Потеряли это через двухвековую изолированность от Германии, через депортацию, распыление по всей стране, через десятилетия дискриминации во всех сферах жизни. Но через освоение русского языка они за два поколения смогли во многом компенсировать свои потери: русский язык стал для них вторым родным языком, он позволял им включиться, почти на равных, почти во все сферы жизни государства. Если бы не было ограничений по «пятой графе».

Корни российских немцев - в почве России, сами они пропитаны, наполнены соками России, над ними светит солнце России, и плоды свои они отдают России. Старые деревья не пересаживают, гласит немецкая мудрость. Не отсюда ли многие из них воспринимают выезд «на историческую родину», в Германию, как обреченность? А требования тамошних новых садовников от них немедленных и соответствующих местным стандартам плодов – с горечью? Историческая родина ушла от них за годы разлуки так далеко, что и общие корни они часто уже не ощущают...

Но чтобы сохранить всё, что накопили, взрастили они в себе за свою российскую историю и что стало во многом уже их сутью; чтобы оставаться полноценным народом; чтобы сохранить самоуважение и уважение других - для всего этого им нужна Россия. Не будет у них России - не будет и их как народа, которым они здесь стали. Можно сказать с полным основанием: как народ российские немцы рождены Россией. Пусть и от «смешанного брака», но после долгих и добрых отношений между двумя народами.

Инстинктивное понимание всего этого и делает, наверное, прощание с Россией для выезжающих немцев так перехватывающим горло. На историческую родину они возвращаются с ненужным там российским богатством. Ненужным, потому что оно - богатство лишь в России; в Германии же оно часто лишь раздражающий признак их недостаточной «немецкости». Но без этого богатства они там совсем «ничтожны», «неполноценны», а значит, опять не равны в возможностях – уже с «истинными» немцами.

Только в России они могут сохраниться как народ. Потому что только в ней, после 68 лет невероятной разбросанности, распыленности по всей ее огромной территории - от Урала до Дальнего Востока - они могут снова получить возможность собраться вместе. И только в ней может быть востребована и стать условием полноценной жизни народа их российская составляющая. Вот почему их будущее как народа так безальтернативно связано с Россией.

Нужны ли свои немцы России?

По сути, это бестактный вопрос. Бестактный, потому что они - один из народов России, и как обязанность каждого народа - заботиться о своей стране, так и обязанность страны - заботиться о каждом своем народе.

Однако история доказывает: немцы хоть и признаются одним из народов в России, и вроде имеют со всеми «равные права», практически никогда не имели равных возможностей - при разных правителях, в разные для страны времена и даже при разном общественном строе в ней. Значит, чем-то они всё же «не такие», как все? Значит, есть обстоятельства, которые заставляют власть относиться к ним иначе? В чем же причина?

Попробуем погадать на исторической гуще.

Могут ли это быть экономические причины? Например, когда в семье, в коллективе, в стране кто-то больше потребляет из общего котла, чем вкладывает в него, то положительных эмоций это, как известно, не вызывает. Потребляют ли они больше, чем вкладывают?

Не будем возвращаться к дореволюционным временам, когда вклад их предков в становление Государства Российского представляется очевидным. Но и после революции они в полной мере разделили судьбу страны. В 1930-х годах экономические и культурные успехи АССР НП были таковы, что ее называли «Сталинской республикой» - тогда это не было ругательством, а совсем наоборот.

Во время войны и годы после нее все российские немцы, от 15 до 55 лет, были в «трудоармии», т.е. в лагерях НКВД - на лесоповале, в шахтах, на строительстве заводов на Урале, в рыболовецких хозяйствах Восточной Сибири. Несмотря на то, что они были обвинены в сотрудничестве с врагом, что ходили под конвоем даже на партсобрания и получали убивающий голодный паек – они добились права работать не для «искупления вины», а, как вся страна, под лозунгом «Всё для фронта, всё для победы!». И работали - до полного истощения. Даже в этих условиях они собирали средства на строительство танков и самолетов, за что получили телеграмму Сталина с благодарностью и «братским приветом». Даже в этих условиях были среди них стахановцы и «тысячники», т.е. выполнявшие нормы на 1000 процентов.

После войны, на освоении казахстанской Целины, российские немцы опять оказались как рабочая сила «незаменимы»: в 1965 году А.Микоян отказал двум их делегациям в восстановлении АССР на Волге, «потому что 500 тысяч немцев уедут из Целинного края, а без них там сельское хозяйство вести невозможно». Действительно, плохо работать они не могли: работа – это главная немецкая религия, и единственная общая для них для всех...

Какие были самые богатые, благоустроенные, красивые, культурные хозяйства и села на Алтае? - немецкие. А в Казахстане? - немецкие: вспомним хотя бы знаменитый колхоз «30 лет Казахстана» с председателем Яковом Герингом. А в Киргизии? - немецкие. А почему выступали ЦК КП Казахстана, сибирские обкомы и горкомы партии против восстановления республики на Волге? - Потому что с заводов, шахт, из сельского хозяйства «ушли» бы квалифицированные рабочие руки...

Но, может быть, немцы и работали хорошо, но потребляли еще больше? Ничего подобного. Любой народ в стране, независимо от своего вклада в общий союзный «котел», обязательно получал из него долю на развитие национальной культуры, национального образования, национальных СМИ, на подготовку национальных кадров и т.д. Любой. Кроме немцев. Только у них не было – и нет до сих пор! – ни одной национальной школы, учреждения национальной культуры, практически не было национальных СМИ и, кроме десятка учителей родного языка в год на 2 млн. человек, не готовились национальные кадры. Для сравнения: у киргизов, литовцев, эстонцев (народов, близких по численности советским немцам) в 1982 году на национальную душу выпускалось газет соответственно в 13, 30 и 41 раз больше, чем у немцев; журналов в 330, 1330 и 900 раз, а художественной литературы в 100, 160 и 320 раз больше. Эти цифры кричат!

Приложите сюда еще «экономии» от отсутствия у немцев собственных Советов, исполкомов, профкомов и парткомов, социально-бытовой и прочей инфраструктуры и номенклатуры, - и получится, что российские (тогда советские) немцы были единственным в огромной стране народом, который практически на всем протяжении Советской власти (а по инерции и дальше) использовался по заветам Льва Троцкого - в условиях военного коммунизма: от каждого - по максимуму, каждому - по минимуму.

То есть, в экономическом отношении они были самым «рентабельным» народом в стране: работая «хорошо», они как народ не получали ничего; только как индивидуумы - на поддержание трудоспособности. А значит, нахлебниками они, слава Богу, не были, «доноры» же - еще поискать таких.

Тогда, может быть, причины особого отношения к ним лежат в сфере патриотизма, и у них его было недостаточно? Опять же не будем касаться прошлого: тот же Георгиевский

зал - лишь одно из свидетельств отношения немцев к своей российской Родине, отношения, которое невозможно симулировать. Возьмем более близкие события - начало Великой Отечественной войны. Десятки тысяч советских немцев воевали на фронте. Воевали как минимум не хуже других (среди героев Брестской крепости они тоже есть). И даже в те катастрофические первые месяцы войны, месяцы небывалых поражений и отступлений, газеты писали о героизме советских немцев. Заметка в «Комсомольской правде» о рядовом Гофмане, попавшем в плен к гитлеровцам, подвергнутом пыткам и найденном потом его товарищами с приколотым к сердцу штыком комсомольским билетом, была опубликована за несколько дней до Указа о выселении немцев.

Константин Симонов, писатель, поэт, военный журналист, в своей книге «Живые и мертвые» напишет позже о боевом генерале, которому в 1941 пришло распоряжение отослать из его частей советских немцев как потенциально неблагонадежных: «дайте мне десять тысяч таких Гофманов (это уже другой Гофман, из его подчиненных), я из них дивизию сделаю и до Берлина с ними дойду!» Не дали. В «рабочие батальоны» направили, в тайгу, сорвав погоны, награды и загнав за колючую проволоку, на нары. Симонов знал о судьбе советских немцев, и первый в советской литературе осмелился сказать несколько слов в их защиту.

Всего полгода были на фронте советские немцы, причем самые трудные (далее – уже в партизанах, подпольщиках или под чужим, ненемецким, именем). И вдобавок они были немцы. Тем не менее, среди них - 11 Героев Советского Союза...

Треть российских немцев погибла в «трудармии», на работе в тылу, на «спецпоселении» - на работе для Победы. Это больше, чем потеряла самая пострадавшая от войны Белоруссия, через которую дважды прокатился фронт, Белоруссия - колыбель партизанской войны. Она потеряла четверть своего народа - в войне с врагом. Российские немцы – треть... в труде на благо своей Родины. Кто еще понес такие потери? Разве их можно обвинить в отсутствии патриотизма?

Пустыми глазницами смотрят на нас ушедшие трудармейцы издалека, из таежных уральских болот, со дна сибирских рек, из-под застывшего доменного шлака (могил для их останков копать не было сил). Смотрят и будто диктуют нам немой вопрос: что еще недодали они своей Родине?

После восстановления государственности репрессированных народов во второй половине 1950-х, между вернувшимися к родным очагам и теми, кто был заселен в них, иногда возникали кровавые разборки. Может быть, опасения, что и российские немцы будут освобождать свои дома ножом и топором - причина невозможности их республики?

Спросим опять Историю. Несмотря на всегдашнее инонациональное окружение, российские немцы за 250 лет своей российской истории не имели ни одного конфликта с другими народами. В самой АССР немцев Поволжья треть населения составляли русские, украинцы, калмыки, казахи. Добрые отношения с соседями - закон. Бесконфликтность внедрялась с детства: «Der Kluge gibt nach!» («Умный уступает!») - повторяла мать своим детям, и детские ссоры мгновенно утихали.

1989 год. Москва. Первая конференция первого национального общества советских немцев «Возрождение». Обсуждается и вопрос о восстановлении их автономии на Волге. Все уже знают, что там ведется основательная антинемецкая работа. Один из «аргументов» - приедут немцы, выгонят всех из своих домов. Делегаты конференции - со всей огромной страны, многие прошли через выселение, трудармию и спецкомендатуру, испытали тысячи несправедливостей в своей жизни и уже 48 лет мечтают о том, чтобы вернуться, наконец, «домой» - эти делегаты принимают – единогласно! - «Обращение к населению, проживающему на территории бывшей АССР НП»:

«Дорогие товарищи!.. Мы заявляем, что, пережив вместе со всем советским народом трагедию войны с ее неисчислимыми жертвами, считаем невозможным для себя требовать

возвращения наших домов и имущества, незаконно конфискованных в 1941 году при выселении, ибо не советский народ виноват в этом и тем более не те люди, которые сегодня живут в наших домах. Пусть наши дома, в которых родились мы и которые стали приютом для вас, будут для вас такими же родными, какими были для нас.

Мы заявляем, что не претендуем на город Энгельс - бывшую столицу нашей республики. Пусть он останется таким, как сложился, - современным русским городом.

Мы считаем, что большинство сегодняшних крупных населенных пунктов на территории бывшей АССР НП должны по возможности получить свою автономность в будущей республике, чтобы не нарушать сложившийся уклад, чтобы сохранить полную возможность беспрепятственного обучения на родном языке в школах, чтобы обеспечить и на будущее свободное развитие в них национальной культуры...».

Прошло столько лет, но до сих пор *ни одна* газета в Поволжье не опубликовала это беспрецедентное в истории депортированных народов по своему великодушию и стремлению к добрососедству заявление. Не случайно: оно снимало главный аргумент антиавтономистов и тем самым нужные им страхи населения... Как видим, и опасения межнациональных конфликтов по вине немцев не имели под собой оснований.

Каков результат такого отношения к немцам? В условиях демографического кризиса в России два с половиной миллиона из них выехало в Германию! После предложения «гаранта Конституции» Б.Ельцина селиться на военном полигоне началось массовое бегство: до четверти миллиона человек в год! Только экономический ущерб - около 50 миллиардов нецензурных сегодня «у.е.». Да плюс утрата весьма существенного научного, культурного, образовательного, генетического, демографического, морального, нравственного потенциала. Соответственна и прибыль «принимающей стороны».

Так что нужны России ее немцы. Не всем, кто в ней правил и до сих пор при правлении, но всем, кто думает о ее будущем, кто и есть Россия. И чем ей трудней, тем они нужней. Пока же... Сколько там Россия должна (была) Парижскому да Лондонскому клубам? Хоть договорились бы с Западом, что выезд немцев идет в погашение долгов - был бы прощальный вклад российских немцев в увеличение Стабфонда своей Родины...

Кто не хочет решать вопрос российских немцев?

Но если России нужны ее немцы, если они никакой своей ипостасью не вредят ей, то почему же не решается уже без малого семь десятилетий их вопрос? Разумных причин, т.е. вызванных интересами государства, не просматривается. Местнические же или мафиозно-экспроприационные интересы (сколько жилья и имущества пришлось российским немцам, даже не желавшим уезжать, практически бросить или «законно подарить» бравым ребятам во всём СНГ, чтобы убраться «на историческую родину» целыми в установленный им срок! Сколько средств пришлось отдать овировцам! Сколько - рэкету на вокзалах и в аэропортах, чтобы сохранить своих детей! Как дочиста вычищались мужские карманы и женские укромные места от последних у.е. на таможнях! - даже депортация в 1941 с конфискацией имущества в сравнении с этим была прямо-таки гуманным актом!) - это, думается, причины не того уровня, чтобы исходить из них в политике государства.

К тому же ведь приступали уже, и не раз, к решению их вопроса. Когда восстанавливали государственность другим народам, не могли же забыть, что немцы тоже были репрессированы, причем первыми. Когда принимали Указ в 1964, ведь не забыли сохранить запрет на возвращение в родные места, значит, опасались восстановления автономии явочным путем. А попытка создать автономную область в Казахстане в 1979, торпедированную «местным казахским населением»? А обещание в 1988 восстановить АССР НП через полгода? А интенсивный поиск решения в 1989? Создание Парламентской, затем Государственной комиссии СССР по проблемам немцев? А Закон

«О реабилитации репрессированных народов» в 1991, где прямо указывается на необходимость восстановления государственности? А Протокол в 1992 о сотрудничестве между Россией и Германией в поэтапном восстановлении их государственности?

Да что еще нужно, чтобы решить, наконец, этот вопрос?! Только выполнить уже решенное! Так что вполне можно сделать вывод: Россия и сама давно признала, что ее немцы ей нужны - тем, что приняла уже нужное им (и ей) решение. Она только еще не р его. Почему?

Воли не хватало, политической воли тем, кто у власти. И готовности действовать в интересах своего государства. Можно ли было ожидать этого от Ельцина, этой политической прорехи в истории России? - Нет. Потому что сам он был безмерно далек в своих интересах и действиях от интересов государства, и потому что не он правил Россией, а им самим правили - люди, еще более далекие от интересов «этой» страны.

Изменилась ли ситуация с уходом Ельцина? Изменилась, и очень. И эстафетный скипетр вроде уже вырван, наконец, из рук предшественника. Потому и пишем еще раз об этой проблеме.

Но сегодня возникла новая опасность для решения немецкого вопроса - идея губернизации страны, под которой часто понимается и роспуск национально-территориальных образований. Возникла она в ответ на разрушительный процесс суверенизации регионов (вспомним Ельцина: «Берите себе суверенитету, сколько проглотите!»), особенно болезненно воспринимаемый, когда он проходит в национальных республиках; апогей - Чечня. Национальная окрашенность чеченской трагедии бросила тень подозрения на все национальные образования. Но по трезвом размышлении - виноват ведь не «национальный вопрос».

Суверенизация пошла не от народов России, испокон века имеющих в ней свои территории; еще недавно каждая деревня готова была объявить себя суверенным государством. Причина и не в административно-территориальном делении - оно есть в любой стране, потому что необходимо. Причина в том, что Ельцину на пути к власти надо было сделать глав регионов своими сторонниками, чтобы использовать их административный ресурс на выборах, поэтому он и бросил им кость суверенизации, отдав им их регионы на откуп. Получив региональную государственную собственность в управление, т.е. в разграбление, они затем не захотели больше делиться ею с «верхами»: кому нужна власть *над собой*? Отсюда и стремление к суверенитету как неподконтрольности в присвоении и дележе.

Когда будет опять выстроена нормальная система государственной власти, ни региональные, ни национальные образования не будут ей помехой. Наоборот, опять станут необходимыми ее звеньями. Тем не менее, давно внедряемый извне принцип для других: разрушить до основания, а затем... - этот принцип как призрак снова забродил по России, отодвигая решение многих стратегических вопросов. В том числе российских немцев.

На деле же суверенизация в национальных образованиях - то же самое стремление получить вотчину в бесконтрольное управление, тот же заказ начального, неконтролируемого, рынка, та же рыночнизация власти, что и в других субъектах Федерации. Только действующие силы здесь - национальные кланы, а «национальный вопрос» - универсальное средство для защиты от воздействия извне, для получения поддержки «своего» народа и для отражения федерального внимания сверху.

Всё это логично. Потому что после развала СССР, после разрушения системы власти, суверенная (неподконтрольная) власть стала самой выгодной сферой бизнеса. Известное изречение: дайте капиталу прибыль в 300 процентов, и нет такого преступления, перед которым он остановится, это изречение - детский лепет перед прибыльностью и всеготовностью постсоветской власти. Не 100, не 300 и даже не 1000 процентов здесь прибыль: она фактически не ограничена. Отсюда и беспредел капитала во

власти; отсюда и кровавая борьба за захват власти, за удержание власти, за передел власти - на всех уровнях, где есть что урвать. Отсюда же и небывалый приток во власть представителей бизнеса и криминала, и небывалые взятки за место депутата или чиновника. Не случайно сегодня в одной России чиновников в два с половиной раза больше, чем было во всем СССР, хотя территория и население резко уменьшились, 20-миллионной «номенклатурной» КПСС больше нет, а экономика свелась в основном к повышению давления в нефтегазовой трубе. *Власть стала товаром!*

Кому же выгодно было в этих «рыночных условиях» укрепление государства? Тем, кто пришел во власть, чтобы брать, - невыгодно. Потому что крепкое государство - это и строгий порядок, а значит, препятствие тому, чтобы брать. Не нужно было им и решение долгосрочных, стратегических проблем государства - ни в экономике, ни в обороне, ни в науке, ни в культуре и образовании, ни в медицине. Потому что это расходы - во имя будущего государства, моментальной же *личной* прибыли - никакой. Тем более не нужно было решения каких-то национальных вопросов. Вот если национальный конфликт - на нем еще можно заработать, и чем он больше, тем лучше: больше денег выделят. Чеченский вопрос был бы решен еще в 1990-е, если бы кому-то не было тогда выгодно его продолжение. Здесь сомкнулись интересы российских дельцов и политических стратегов США, заинтересованных в ослаблении и разрушении России.

В решении государственных проблем - стратегических, долгосрочных, к которым относятся и национальные - могут быть заинтересованы только те, кому будущее страны дороже собственного кармана. Пока же власть - отрасль на рынке, да еще наиболее доходная отрасль, где идет быстрое накопление личного капитала, причем не за счет производства, а за счет присвоения и продажи государственной собственности, за счет властного рэкета, лоббирования и коррупции, - до тех пор никакие проблемы в интересах государства решаться не могут. Этому будут сопротивляться изо всех сил, на всех уровнях власти, во всех ее структурах, куда проникли алчущие денег и собственности. Ибо укрепление государственной власти означало бы конец власти рыночной.

В такой ситуации вопрос немцев России никак не мог быть решен в ельцинские годы - даже помощь для них из Германии больше провоцировала стремление продлить ее оказание, но никак не решить проблему, ибо ее решение означало бы прекращение помощи или недоступность ее для заинтересованного распределения. Но если главная причина развала государства и нерешения его стратегических проблем, в том числе национальных, - рыночность, «коммерциализация» власти, то суверенизация как *цель и всемогущий инструмент* рыночной власти и как *следствие* рыночности власти не должна трактоваться как вина территориальных образований, в т.ч. и национальных. Потому что обвинением территорий фактически снимается вина с виновных и перекладывается на невиновных. И не надо разрушать национальные образования только потому, что и в них буйствует общий рыночный беспредел, а надо и в них обеспечить защиту власти от оголтелой ее конвертации в деньги и собственность.

Разрушать национальные образования только потому, что во главе их - тоже рыночная власть, значит наказывать народы вместо этой антинародной власти, значит лишать их национального будущего, значит разрушать основу многонациональной страны. А еще это значит вызвать взрыв мощных национальных чувств, заставить уже сами народы защищать свои национальные интересы, спровоцировав их союз против федеральной власти. И еще это означает вместо помощи народам в освобождении их от рыночной национально-клановой власти получить слияние интересов сегодняшних антагонистов и возможное тиражирование Чечни.

Государству никогда нельзя забывать, что народы страны - его надежда и опора, его дети, его будущее. Как оно обойдется с ними сегодня, такое отношение к себе получит от них завтра. Народы объективно *за* сильное государство, способное их защитить, *за* порядок в государстве и - *за* единое государство, без которого им в одиночку не выжить.

И никогда нельзя смешивать национальных рыночников во власти и сам народ, страдающий от этих рыночников.

Таким образом, жупел суверенизации, при внимательном рассмотрении, также не должен бы служить причиной нерешения Россией вопроса о своих немцах.

Что же еще стоит на пути? Отсутствие у государства средств? Но нерешение этого вопроса обходится государству исключительно дорого: десятой части суммы понесенных от выезда потерь хватило бы не только чтобы решить вопрос, но и чтобы сохранить всю сумму и получить еще немалую прибыль. В любом случае, если думать об интересах страны, то выход найдется. Тем более в случае с национальной проблемой немцев России – одной из самых рентабельных экономических проблем страны.

Если оглянуться назад, можно только удивляться: сколько реальных вариантов решения немецкой проблемы уже предлагалось! Сколько разумных аргументов «за» приводилось! Как скрупулезно учитывалась постоянно меняющаяся конъюнктура! «Нельзя» восстановить республику сразу - давайте поэтапно. «Нельзя» на Волге - давайте рассмотрим варианты. Для каждой «тяжелой» ситуации российские немцы находили выходы и разрабатывали предложения. Потому что понимали: у страны, у власти всегда «есть трудности». И входили в положение. И старались помочь - сделать хотя бы то, что на данный момент возможно.

Но почему-то ответного понимания не встречали. Ни в 1965, ни в 1989, ни в 1991, ни по сегодняшний день. Но не может же так быть, чтобы никогда ничего невозможно было сделать за целых 68 лет!

Ну, пусть при Хрущеве порыва справедливости хватило лишь на восстановление государственности пяти репрессированных народов, на шестой его уже не достало. Пусть при Брежневем еще сильны были у «государственных» деятелей личные негативные эмоции к немцам вообще - всё же прошли через войну, и позитивных чувств удалось настимулировать лишь на 17 миллионов ГДР-овцев да на затяжные поцелуи с Хонеккером; на своих два миллиона немцев их оказалось совсем ничего. Пусть при Ельцине вообще никаких положительных чувств ни к кому не было, буйствовала только низколобая страсть к власти, к собственности, к наживе, к разрушению собственного государства.

Ну, а сегодня? Что сегодня-то мешает? Есть другие проблемы? - А бывает, чтобы их не было вообще? Немецкая проблема не самая актуальная? - Но жизнь отдельного человека тоже не самая актуальная проблема в любой стране, однако «скорая помощь» прибывает к нему сразу, а тут речь о жизни целого народа.

И какой бы ни была проблема в государстве, если она есть, значит, ее всё равно надо решать. Ибо не решая менее важные, получишь из них более важные...

За многие десятилетия, при разных руководителях - особенно при Сталине и Ельцине - не только российские немцы пережили невиданные катастрофы, но и практически все другие народы страны, и может быть, в первую очередь - русский народ. И тоже не могли ничего добиться. Значит, и СССР, и Россия, которыми эти руководители правили, в лице своих народов сами страдали вместе с российскими немцами, пусть и немного иначе. Конечно, нельзя полностью персонифицировать такое огромное, такое вселенское зло. Но еще более нельзя деперсонифицировать его, переложив полностью на страну, на ее народы. Это как с Холокостом: преступление совершили одни, а расплачиваются десятилетиями другие.

Так кто же совершил преступление, лишив целый народ государственности, сотен тысяч жизней, национального будущего и не решая столько лет его вопрос? Россия? Но Сталин – это Россия? Берия – это Россия? Ельцин – это Россия? Это народы России? Кто вообще из руководителей России после революции был избран на честных выборах? Какая власть за все эти годы пришла или удерживалась в стране у власти без насилия, без

террора, без подлога и обмана? Можно ли считать такую власть – Россией? Или это лишь власть *над* Россией?

Если эта власть – Россия, тогда кем являются народы, которые не смогли, как и немцы России, прорвать заколдованный круг невнимания к их проблемам? Кем являются миллионы тех простых людей разной национальности, которые помогали выселенным российским немцам выжить в Сибири и Казахстане - им, немцам, обвиненным в соотрудничестве с германскими нацистами, с которыми воевали отцы и братья этих людей? Кем являются те миллионы людей, с которыми два с половиной века российские немцы дружно живут, вместе работают, кто понимает и поддерживает их, и кто с плакатами стоит на их съездах: “Немцы, не уезжайте!”

Если мы поймем, что Россия, замученная и не способная уже почти целый век освободиться от крестоносцев чужих ветхозаветно-свирепых религий, марксистского ли, “демократического” ли толка, - сама все эти годы пыталась из последних сил выжить, то понятия “власть” и “Россия”, а следовательно, и понятия “вина” и “Россия” вряд ли будут так уж полностью совпадать.

Отсюда, наверное, и объяснение необъяснимой связи российских немцев с Россией: для них она не палач, не тюремщик, а больше их сокамерник. И с ней, с подлинной Россией, они всегда найдут общий язык и взаимопонимание. И для них сегодня вопрос не столько в том, кто виноват в их трагедии и в нерешении их проблемы, сколько в том, как *вместе с Россией* решить их проблему. И еще в том, сможет ли ее нынешнее руководство до конца переломить ситуацию в стране? Хватит ли у него сил, времени, воли и сторонников, чтобы его голос стал не единственным опять для России, а единым голосом самой России? И сможет ли оно использовать власть как данное судьбой последнее средство спасти свою страну и ее народы? От ответа на эти вопросы зависит и будущее страны, и будущее ее народов, и будущее российских немцев.

Утратив надежды на восстановление справедливости и равноправия, более 2,5 млн. немцев выехали в Германию, чтобы избежать полной ассимиляции, «чтобы хотя бы дети остались немцами». Казалось, вопрос снят: ведь немцев выехало больше, чем их было в СССР по переписи 1989 г. (2 млн. 38 тыс.). Однако таковы уж особенности этих переписей: бывало, что российских немцев при переписи вообще «не находили», не говоря уж о том, что данные очень расходились с имевшимися всегда данными спецучета, в точности которых можно было не сомневаться.

Новая перепись в 2002 г. показала: в одной России почти 600 тыс. немцев. Учитывая же, что при этой переписи национальность указывалась лишь по настоянию самих граждан, можно вполне считать, что их, «чистых немцев», гораздо более 1 млн. чел. К тому же сегодня около 90% браков у них – смешанные, и практически все дети из этих браков записываются, как и раньше, русскими. А это значит, что в России немцев с членами их семей минимум 2 млн. чел. Из них около 97%, проживая распыленно по всей стране, по-прежнему лишены возможности приобщения к национальной культуре и изучению родного языка; и даже в созданных двух национальных районах доля немецкого населения всё сокращается из-за продолжающегося выезда: национальные районы, где проживает лишь около 3 процентов немецкого населения страны, не могут обеспечить национального будущего никому за своими пределами, а если весь народ обречен при нерешении его вопроса, то обречены и проживающие в национальных районах: национальные лужи высыхают так же быстро, как и обычные; сохраниться может хотя бы озеро...

Интересы России в том, чтобы найти решение

В этих условиях сегодня необходимы - и возможны! - совершенно новые подходы к решению проблемы российских немцев. Они нам видятся такими.

1. Проблему по инерции часто всё еще воспринимают как проблему, решаемую только восстановлением АССР немцев Поволжья, причем в соответствии не с духом, а с

буквой Закона «О реабилитации репрессированных народов» - в прежних границах. Но сегодня главное в проблеме российских немцев - не восстановление АССР НП, а *создание условий для сохранения российских немцев как народа*. Условия же эти могут быть созданы как восстановлением АССР НП, так и другими вариантами. Потому что основным необходимым условием является компактное проживание российских немцев, без чего невозможно сохранить родной язык, национальную культуру, сохраниться как народ. Наличие территории совместного проживания позволит и создать нужную экономическую базу.

2. Совершенно новый подход возможен и к тому, *как* решать проблему. Ведь проблема российских немцев национальна лишь для самих российских немцев. Для страны же, для конкретного региона – она чисто экономическая. И если совместить ее решение с реализацией пакета крупных, актуальных для страны или конкретного региона, экономических задач (типа градообразующих проектов, как в прошлом КамАЗ – Набережные Челны), привлекая для этого преимущественно российских немцев, то в ходе осуществления проектов можно как попутный результат создать и необходимые условия для возрождения народа: обеспечить компактность проживания, создание экономической базы, социально-культурно-образовательной инфраструктуры. Если же эти проекты сделать совместными, например, с германской экономикой, то реализация их не только может значительно ускориться, но и внести весомый вклад в развитие экономического сотрудничества между двумя странами.

3. Неожиданно широкие возможности открываются, если совместить решение проблемы еще и с созданием особых экономических зон, а также с инициированной властями программой содействия переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом, или если объявить решение этой проблемы одним из национальных проектов страны.

Такие подходы вдобавок ко всему превращают экономические интересы страны (регионов) из прежде *препятствовавших* решению проблемы (опасение утечки кадров и отсюда снижения экономического потенциала) в *способствующие* решению проблемы: уменьшение выезда; привлечение кадров, в т.ч. из других стран СНГ (с членами семей там немцев далеко за полмиллиона); возвращение российских немцев из Германии - готовность есть у многих. (Кстати, из Германии могли бы потянуться в Россию и «коренные» немцы, потому что в поисках работы из нее ежегодно уезжает около 70 тыс. чел., и надо полагать, достаточно работоспособных, если они надеются на успех на рынке труда; для России это могло бы стать вторым «приглашением иностранцев» в Россию после Екатерины II, причем не менее важным по значению). И что особенно важно, такой подход привел бы к существенному увеличению экономического потенциала конкретного региона и страны в целом.

Надо, однако, учесть некоторые моменты.

Первое. Идея восстановления государственности российских немцев воспринимается сегодня нередко как противоречащая наметившейся тенденции на укрупнение и сокращение числа субъектов Федерации, продвижению к гражданскому обществу. Внешне это может так и выглядеть. Но суть и цель происходящих в стране преобразований – *совершенствование* системы государственного устройства, улучшение положения народов (ведь обязательное требование при укрупнении регионов – чтобы положение народов *не ухудшалось*), и чтобы каждый народ, каждый гражданин чувствовали себя в своей стране дома. Создание условий для совместного проживания определенного числа российских немцев не требует никакого разукрупнения; оно может быть обеспечено и в рамках одного субъекта Федерации, и в ходе «укрупнения». И оно приведет именно к той цели, на которую направлена сегодняшняя государственная политика: еще один народ, еще около миллиона граждан смогут почувствовать себя в своей стране *дома*. А экономические проекты, которыми они займутся, смогут улучшить экономическое положение и региона, в котором они будут жить и трудиться.

Государственная политика как медицина: нет универсального подхода ко всем. Минимум, который требуется – это не мешать здоровому оставаться здоровым, и не оставлять больного без врачебной помощи...

Второе. Проблема российских немцев не только чрезвычайно запущена, но и чрезвычайно отягощена - ошибками государства, несправедливыми обвинениями и репрессиями, десятилетиями дискриминации, невыполнением самой властью принятых ею же законов и указов, а также долгим и необоснованным связыванием проблемы с последствиями войны и - многолетним потребительским подходом к российским немцам. Предстоит расчистить эти Авгиевы конюшни, и роль Геракла здесь может исполнить опять же только Президент России, повернув и в эти конюшни очищающий поток государственных интересов.

Третье. Проблема российских немцев за все послеоктябрьские годы никогда не решалась «снизу», поэтому рассчитывать сегодня на массовую инициативу российских немцев как два десятилетия назад наивно – после всего, что им пришлось перенести и услышать за все эти годы. Сегодня проблема российских немцев – в основном государственная, экономическая проблема; главной движущей силой для ее решения являются не российские немцы, а интересы государства; и решить ее можно только по инициативе и указанию сверху. Должен быть указ Президента, ставящий конкретную задачу перед Правительством. Тогда остальное придет в движение.

И, наконец, такое решение - и в политических интересах России: будет восстановлена справедливость по отношению к единственному оставшемуся не реабилитированным репрессированному народу; будет решена проблема, которую за 68 лет ни один из предшественников нынешнего главы государства не смог решить; будет сделан первый крупный позитивный шаг в государственной национальной политике новой России - в политике, которая до сих пор воспринимается в мире в основном лишь через призму событий на Северном Кавказе.

Большие изменения, произошедшие за последние годы в России; укрепление приоритета государственных интересов; улучшения в экономическом положении страны; масштабные программы и проекты, ориентированные на будущее; а также укрепление законности и порядка, меры по обеспечению демократических прав граждан и народов страны – всё это позволяет думать о том, что решение проблемы российских немцев сегодня возможно. Как никогда ранее.

Вормсбехер Гуго Густавович – писатель, бывший председатель Союза немцев СССР (Москва, Россия).

Дашичев Вячеслав Иванович – главный научный сотрудник Института экономики РАН. Профессор, доктор исторических наук.

Зайферт Вольфганг (1926-2009) член Московского международного арбитражного суда, профессор, доктор юридических наук (Гамбург, Германия).

Опубликовано: Международный общественный журнал «Свободная мысль», 2009\ № 8 (октябрь 2009 г.).